

Зубастый уродец навсегда

Старый "Щелкунчик" на детский лад

Ежегодный Лионский балетный фестиваль называют подростковым. Участники-танцоры – почти дети: 12 – 15 лет. Это "смотр" для своих. Иностранцев не зовут. Даже призов не дают – одобрение критиков и коллег, не более того. Профессиональный танцор и хореограф Даниэль Лорье представил на фестивале один из последних, очень красивых хореографических сюжетов – "Щелкунчик". Главная героиня сказки, девочка Мари (тринадцатилетняя балерина Элин Гютье), перетанцевала всех сверстников и была признана блестящей "новенькой" на фестивале. А сама сказка, возможно, даже определила тенденцию современного европейского танца, которой "грешил" весь лионский конкурс, – похоже, нынешняя молодежь дружно говорит "нет" царствующему в Европе авангарду.

Даниэля Лорье я знаю очень давно. Мы познакомились в нашей французской школе, куда он приезжал два десятка лет назад в составе сверстников-лицейистов. Я готовилась к вечеру с французами. А Даниэль искал мужской туалет. Мы разговорились. Он рассказал, что мечтает стать садовником, – и вправду вскоре научился выращивать прекрасные розы. Но мир он покорила другим – Даниэля Лорье сегодня называют крупнейшим европейским балетмейстером-авангардистом.

Его наставником был Морис Бежар. Бежар учил его жесткости, и он оттачивает технику своих юных танцоров с упрямством спортивного тренера. Даниэль Лорье считает, что балет становится искусством лишь на сцене. В остальном – это муштра, обмороки, рыдания за кулисами и опять муштра. Так работают все крупнейшие балетмейстеры мира, включая женственную Пину Бауш, мэтра Бежара и его последователей вроде Даниэля Лорье. Но танцорам не в чем упрекнуть учителя: он сам после бежаровских репетиций, обесиленный, не мог встать с пола. Теперь же любит повторять фразу, еще влажную от собственных слез: актер нужен кнут. Если он любит искусство, он не разлюбит его никогда. С точки зрения Бежара, танцоры "куклы на ниточке". Они дергаются, гнутся, ломаются – таков их удел. Бежар орал на своих – этот Карабас-Барабас разговаривает с "куклами" металлическим басом. И вовсе не похож на моего душку-приятеля. Но его подростки проделывают на сцене чудеса.

"Щелкунчик" Даниэля Лорье – гофмановская сказка, почти приближенная к классической балетной постановке. В том смысле, что благодаря хореографу героям сказки не изменяет чувство меры: они не занимают любовью со стульями, не прыгают в огненное кольцо, не бегут по сцене голышом, и это уже не трансверсальный театр. А нечто чуть ли по нашим буиным временам не допотопное. Ритм спектакля, правда, заметно убыстрен: современный мир не просто не терпит

плавности и медлительности – он их не понимает. И с этим следует мириться. По мнению первых перьев Парижа, Лорье своей новой постановкой намекает на то, что безумный авангард если не уходит в прошлое, то, по крайней мере, собирается подвинуться. Мир еще не грезит о пластике Петипа, но уже хочет покоя. Становится вменяемее!

Синхронность – фирменный ярлык Даниэля Лорье и его безусловный вклад в лавку сокровищ современного балетного искусства. Он не любит сольных партий. И считает, что в балете, как и в любви (настоящей, разумеется!), должно быть не меньше двоих! Герои его спектакля танцуют словно под копирку. (А если соло все-таки обязательно, балетмейстер ставит двух одинаково одетых персонажей друг перед другом, и один из них изображает зеркало.) Когда же шестеро танцоров – "мышей" на сцене одновременно совершают гигантское антраша, Лорье поднимается из своей ложи и, шевеля губами, смотрит на часы. Кто-то, вероятно, считает, что балетмейстер тронулся, а я точно знаю, он повторяет трюк Бежара: засекает время и по секундам считает, уложились ли жертвы его несчастной любви к искусству в прокрустово ложе этого самого искусства. На сей раз уложились – время в пути составило ровно девять заданных секунд.

"Без синхронности танца не бывает, – говорит балетмейстер, – в балете должны совпадать все ритмы и все движения. Это одна фигура, размноженная в пространстве. Это графика. Она лишает действие размазанности. И делает современным".

Колдует Лорье и над финалом: Гофман бесилен под натиском современного ума. Дело в том, что Щелкунчик так и не превратился в прекрасного принца. Остался зубастой крашеной чуркой. И Мари предстоит любить уродца. Потому что это мы, взрослые, думаем, что ребенок хочет любить Принца. А он любит, кого любит. И Лорье настаивает на том, что знает об этом точно: "Во мне детства больше, чем всего остального. В балете ведь тоже очень много детства. Он жесток, как ребенок, мудр, как ребенок, наивен, как ребенок. Меня трудно упрекнуть в том, что я корежу сказку. Я ставлю ее вместе с детьми. И смотрю на нее их глазами". Допустим, вот только что делать бедняжке Мари с деревянным уродцем, когда она выйдет из возраста ребенка? К счастью, хореограф Лорье любит девочку не меньше писателя Гофмана, и оба несут ответственность за свою героиню: она засыпает прямо на полу у новогодней елки. И все двухчасовое балетное действие оборачивается для нее сновидением. А утром все бывает – утром можно встретить настоящего, непревращенного Принца. А можно и не встречать, а просто еще долго оставаться подростком и любить деревянную игрушку...

Натэла МЕСХИ

Куклы — 2003 — 23 — 29 января — с. 11